

ИЛЛЮЗИЯ ИНОСТРАННОЙ РЕЧИ
В СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

ILLUSION OF FOREIGN-LANGUAGE STATEMENTS
IN THE STRUCTURE OF MIKHAIL ZOSHCHENKO'S TEXT

JAROSŁAW WIERZBIŃSKI

ABSTRACT. Mikhail Zoshchenko creates specific configurations of word and stylistic constructions using foreign-language parentheses in form of separate lexems, expressions and syntactic structures inserted into passages of a protagonist's speech. The phenomenon of compilation of Russian and foreign-language forms [or quasi-foreign – taking into consideration the significant number of distortions] can be illustrated by the short story 'История с переодеванием'. The interlocutors in the text, who in fact cannot speak any foreign language, pretend to use 'foreign' words and expressions, involving themselves in a specific verbal game. Their dialogue consists of collocations carried to absurdity, for example: '...их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань'; 'Бу зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?'. Such words and foreign illogical collocations appear to be a unique stylistic device in Zoshchenko's texts. Their specific features are determined by foreign lexical units usually belonging to several languages. Most frequent are syntactic structures containing Germanisms and Gallicisms. What is more, in Zoshchenko's texts the foreign parenthetical words and expressions are used exclusively in Russian graphics, which leads to certain changes and modifications of their semantic and phonetic structures according to the model of the Russian language. Transliteration does not reflect the adequate articulation of foreign words and, consequently, results in grotesque effects.

Keywords: Mikhail Zoshchenko, textual communication, foreign vocabulary, language game

Jarosław Wierzbiński, Uniwersytet Łódzki, Łódź, – Polska, jarekw@uni.lodz.pl

Изучение особенностей языка и стиля, способов организации словесного материала в художественных текстах получило довольно широкое развитие, о чем свидетельствует предметная литература [см., напр.: Бабенко, Казарин 2004; Борботько 2007; Григорьев 1983; Гиршман 2002; Демидова 1988; Иванчикова 1992; Шанский 1984; Червинский 1984; Язикова 1985; Михайлов 1987; Маслова 2004; Носов 1989; Попов 1990]. Особого внимания в этом плане заслуживает творчество Михаила Зощенко – величайшего русского прозаика XX века. И хотя своеобразие зощенковского слога неоднократно подвергалось анализу как в языковедче-

ской, так и в литературоведческой литературе [см., напр.: Ардов 1992; Виноградов 1928; Жолнина 2007; Салагаев 1973; Ершов 1973; Колева 2013; Старков 1974; Чудакова 1979; Захариева 1989; Вежбински 1991; Drawicz 1985; Mucha 1985; Jackiewicz 1991; Kotkiewicz 2012], в ней есть еще немало лакун, которые ждут своего исследователя. В частности, недостаточно изучены иноязычные вкрапления, которым и посвящена настоящая статья.

Прежде чем мы дадим им рабочее определение, остановимся коротко на общей характеристике словаря и синтаксиса произведений этого писателя, ибо с учетом этого фона понятнее станет зоценковская манера использования данного языкового средства. Зоценковский словарь функционально-стилистически размежеван и богат словами, получившими переосмысление в речевой структуре произведений писателя. Они поворачиваются в ней различными оттенками смысла. „Слово у Зоценко, — замечает Андрей Синявский по поводу *Сентиментальных повестей*, — идет впереди сюжета и управляет сюжетом, который затем реализует это слово” [Синявский 1989: 51]. Такого же взгляда придерживается Дмитрий Молдавский. Рассматривая *Рассказы Назара Ильича господина Синявского*, он отмечает, что в них „Смысловая нагрузка легла не на фабулу, а на язык героя, своеобразный и претенциозный” [Молдавский 1977: 9]. В контексте таких обобщающих и итоговых формулировок важным представляется также наблюдение Анджея Дравича, который усматривает самобытность зоценковского слога преимущественно на двух уровнях — семантическом и синтаксическом [Drawicz 1974: 63].

В структуре зоценковских текстов постоянно наблюдается нарушение закономерностей литературной речи. Различные языковые деформации прослеживаются в них на всех ярусах — фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом. Многие синтаксические конструкции противоречат традиционным принципам сочетаемости слов и построения фраз. В речи зоценковского повествователя в одном синтагматическом ряду совмещаются по существу несовместимые понятия.

Языковые искривления в речи зоценковских героев смешат и обличают одновременно. Сатира писателя направлена на различные пороки в общественной жизни России послереволюционного периода. Она распространяется и на языковую действительность. Особое место здесь отводится неправомерному использованию иноязычных вкраплений, под которыми понимаются лексемы, выражения и предложения чужого языка.

Иноязычные вкрапления достаточно регулярно вовлекаются в языковую ткань текстов писателя, выполняя в них различные функции.

С их помощью достигается не только социально-психологическая характеристика персонажей, но и различные языковые эффекты. Вкрапления — в отличие от заимствований, которые в словарной системе русского языка образуют значительный слой лексики и употребляются в различных стилях языка, — функционируют в основном в рамках индивидуальной речи литературных героев.

Языковое поведение зощенковского повествователя своеобразно и неповторимо. Для достижения определенной цели он может решиться на самые неожиданные и непредсказуемые действия, в случае необходимости может схитрить, прибегая даже к иностранной речи. Таким он, например, предстает в заключительном рассказе *История с переодеванием* из третьего раздела *Коварство в Голубой книге*.

Семантико-синтаксическое поле данного рассказа сфокусировано в диалоге с элементами монологической речи посетителя гостиницы и портье. Гость пытается реализовать свое намерение с помощью соответствующих внешних атрибутов:

[...] выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу [Зощенко 1987, III: 325],

при котором речевому поведению отведена решающая роль. В связи с этим он начинает свою речь именно с иноязычного вкрапления, которое должно сигнализировать о его статусе интуриста:

— *Эйн шамбер-циммер*, говорю, яволь?

Портье говорит: — Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся. И сам отвечает тоже ломаным языком:

— *Яволь, яволь*. Она, *шамбер-циммер*, безусловно *яволь*. *Битте-дритте*, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов [Зощенко 1987, III: 325].

И дальше:

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

— *Пардон*, говорит, господин, извиняюсь. *Ву зет* Германия, *одер*, может быть, что-нибудь другое?..

„Черт побери, думаю, а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится“.

— Но говорю, *их бин ейне шамбер-циммер* Испания. *Компрене?* Испания. *Падеспань* [Зощенко 1987, III: 325–326].

На такое заявление портье отреагировал следующим образом:

— Батюшки-светы, говорит, никак к нам испанца занесло. Сию минуту, говорит. Как же, как же, говорит, знаю, слышал — Испания, *падеспань* [Зощенко 1987, III: 326].

И последовал ответ посетителя:

- *Яволь*, говорю, *битте-цурбитте*. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою номерулю. А после, говорю, мы поговорим, разберемся что к чему.
- *Яволь, яволь*; – отвечает портье; – не беспокойтесь.
- А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.
- Платить-то как, говорит, будете? Инвалют *одер* все-таки неужели нашими? [Зоценко 1987, III: 326].

Что эксплицировано в приведенном тексте?

Коммуниканты не владеют иностранными языками даже на начальном этапе обучения немецкому, французскому или испанскому языку. В речи участников диалога осуществляется своеобразная мистификация путем создания иллюзии свободного собеседования на языке, который воспринимается ими как иностранный. Участники разговора, каждый по-своему, разыгрывают забавную сценку. Их усилия на использование иностранной речи смешны. Диалог выдержан в юмористическом ключе, делая конситуацию в целом комичной.

Портье „знаком” с иностранными языками весьма поверхностно, скорее всего, на основе слышанного. Ему известны отдельные элементы западных языков, усвоенные им, видимо, механически в гостинице за счет вербальных контактов с иностранцами, которые там останавливаются. „Интурист” пользуется иностранной речью в равной мере неудачно, как и портье – „любитель поговорить на иностранном языке”.

Итак, причудливым совмещением русской и „чужой” речи Зоценко достигает особого комического контраста. В квазииностранный речи содержится множество языковых искривлений, нескладниц и нелепостей, однако зоценковским героям иной раз выгодно оказаться в роли иностранца.

Речь участников диалога представляет собой смесь русских и чужеродных элементов. В диалоге, предполагавшем обмен фразами на иностранном языке, преобладают русские слова и выражения, причем разговорного и просторечного характера (*батюшки-светы, приперся, кумекает, испанца занесло, в мою номерулю, черт побери, холера*). Вовлекаются также иноязычные вкрапления, восходящие к немецкому и французскому языкам. Заметим, кстати, что все они имеют русский графический облик. Характерно, что чужая лексика вводится участниками диалога совершенно произвольно. Ее синтагматическое оформление говорит о том, что герой мыслит на русском языке, что и прорывается в его речи.

Рядом располагаются слова (франц. *chambre*, нем. *Zimmer*), обозначающие одно и то же понятие – *комната*. Диалог демонстрирует словесные объединения, которые доведены до смыслового абсурда. Таким является созвучное сочетание глагола с порядковым числительным, где

нем. *bitte-dritte* переводится буквально *пожалуйста-третий*. Одинаково бессмысленным является соседство нем. *ich bin* с остальной частью предложения, в которой наслаивается уже отмеченное чередование французского и немецкого слов, выражающих смысловое тождество: *eine chambre-Zimmer* Испания. Подобного типа смещение иноязычных компонентов, порождающее межъязыковую тавтологию, составляет одну из отличительных особенностей слога зощенковских героев. Ср. с этой точки зрения перформативное высказывание с глаголами, обозначающими в разных языках идентичное действие: франц. *pardon* и русск. *извиняюсь*.

Многие конструкции рассматриваемого диалога функционируют в искаженном виде. Различные соединения слов лишены семантических связей. В этом убеждает и образование *bitte-zurbitte*, или же вопросительная конструкция с начальным французским вкраплением: *Vous êtes Германия, oder?* [...]. Совмещением элементов, свойственных различным языковым системам, создается в тексте неповторимая словесная конфигурация.

Обращает на себя внимание и тот факт, что участники диалога „пользуются” немецким и французским языками, хотя в разговоре выясняется, это гость является „испанцем”. Сама диалогическая речь предвзвешивается следующим юмористическим рассуждением портъе:

— Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит так все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну — гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение [Зощенко 1987, III: 325].

„Номерный вопрос” выясняется в заключительной части рассказа, которой предшествует эпизод, разоблачающий гостя. Подлинный его статус обнаруживается в момент перемещения чемодана, который

[...] при плохом замке раскрывается. Раскрывается мой чемодан, и, конечно оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце „Кил” и прочая отечественная чертовщина [Зощенко 1987, III: 326].

В рассказе переплетаются две разновидности комизма — языковой и ситуативный. Второй создает своеобразный фон, демонстрирующий несообразность диалогической речи с иноязычными вкраплениями, которые „отобраны” собеседниками.

Указанный тип комизма использован также в рассказе *Западня*. В нем повествователь ссылается на сообщение знакомого поэта, вернувшегося после зарубежной поездки. Оно касается двух эпизодов. Первый связан с герцогиней и происходит в ресторане:

Заказывает она себе *инельклопс* и в разговоре говорит: — Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас *а ла мезон* столько домов, врите, дескать, наворачиваете, приbedня-етесь, тень наводите.

Она говорит: — Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет [Зоценко 1986, II: 234].

Второй эпизод касается лично поэта, оказавшегося в туалете:

Просто так, для смеху. Заглянул — верно ли есть отличие, — как у них и у нас. [...] А после, напевая последний немецкий фокстротик „*Ауфвидерзейн, мадам*“, хочет уйти на улицу [Зоценко 1986, II: 235].

Герой не знает, что дверь открывается там механически лишь после спуска воды.

Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит — собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит: — Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит: — *Геноссе, геноссе, дер тюр*, сволочь, никак не открывается.

Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Дна часа сижу.

Немцы говорят: — *Шпрехен зи дейч?*

Тут поэт прямо взмолился: — *Дер тюр*, говорит, *дер тюр* отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздаётся: — Вы, говорит, чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

— Ну да, говорит. Второй час бьюсь [Зоценко 1986, II: 236].

В приведенном фрагменте текста иностранные слова и фразы изобилуют различными искажениями. Особенно пародийны здесь контаминированные немецко-французские построения. Столкновение в синтагматическом ряду элементов нескольких языков (гибридизация) порождает смысловые несоответствия и синтаксические противоречия.

В зоценковских текстах преобладают иноязычные вкрапления в виде отдельных слов и / или выражений. Такое функционирование вкраплений прослеживается в рассказах: *Отхожий промысел*, *Китайская церемония*, *Обезьяний язык*, *Баня*, *Качество продукции*, *Мадонна*, *Старуха Врангель*, *Жертва революции*, *Иностранцы*, *Веселая жизнь* и в ряде других.

Вкрапления встречаются в речи героев-иностранцев и русских — представителей различных групп и слоев общества. Это может быть генерал:

Ну, *машер, машер*, приехали. Вот взгляните. Кисловодск. Кругом восхитительные места, кавказская природа, [...] [Зоценко 1986, I: 77];

актер: — *Ентре*, Машенка, [...] — *Ентре*, пожалуйста [Зоценко 1986, I: 101];

граф или графиня:

Увидела она меня и говорит сквозь слезы: — Ах, говорит, Ефим, *комси-комса*, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

И дальше: — Нет, говорит, не иначе как вы сперли, *комси-комса* [Зощенко 1986, I: 169].

Иноязычные вкрапления передаются в произведениях писателя неоднократно от имени рассказчика. Ср.:

А раз утром девица встала и стучит кулаком в стенку. — Эй, говорит, *мон шер*, нет ли у вас спичек? [Зощенко 1986, I: 252];

Трудный это русский язык, дорогие граждане! [...] Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну взять французскую речь. Все хорошо и понятно. *Кескесе, мерси, комси* — все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова [Зощенко 1986, I: 264].

В форме несобственно-прямой речи засвидетельствованы также отдельные англо-американские и немецкие вкрапления. Ср.:

Говорят, граждане, в Америке бани очень отличные. Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет — мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет. Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику: — *Гут бай*, дескать, присмотри. Только и всего [Зощенко 1986, I: 278];

Хозяйка, *мадам* Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым отъездом — дескать, *битте-дритте*, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить. Немчик головой лягнул, дескать, *битте-дритте*, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли [Зощенко 1986, I: 365].

Характер иноязычных вкраплений с точки зрения их семантико-грамматической корректности неодинаков. Объясняется это преимущественно спецификой зощенковского повествователя в разной степени искажающего их. Ср. высказывания одного из повествователей, который решительно меняет прежний образ жизни, что связано с его продвижением по службе:

Раньше-то и внимания не обращал — что это за такой Невский, какие на нем люди ходят и магазины какие. [...] А на тротуарах этих разнообразнейшие люди фланируют и спешат некоторые... И все перед тобой чуть что — извиняются... А ты идешь этаким испанцем, небрежной, что ли, походкой и все — *пардонк*, гражданин, *пардонк*, сударыня. И все сторонятся [Зощенко 1986, I: 117].

Очередное высказывание героя касается женщины, которой он интересуется:

Нынче что-то ее не встретил. [...] Обожду. Завтра еще и лучше. [...] Завтра [...] долг мне Сережка Петухов отдаст. А вдруг — не отдаст? Отдаст. Скажу, дескать, ужасно как требуются деньги. Нужда, скажу, в презренных дензнаках. А причина, хе-хе, — *шерше ля фам... Шерше ля фам!* Этакое, правда, великолепное изречение! Французы это придумали [Зоценко 1986, I: 120].

Степень адаптации чужеродных вкраплений различна. Небезынтересно то обстоятельство, что некоторые из них получили в русском языке достаточно широкое распространение и перешли в ранг разговорно-просторечных. Такими являются, к примеру, лексемы *баста* (итал. *basta*), *пардон* (франц. *pardon*), *мерси* (франц. *merci*), производные семемы слова *шабаши* (от др.-евр. *Šabbath*). Они встречаются в таких произведениях писателя, как: *Протокол*, *Семейное счастье*, *Суконное рыло*, *Контролер*, *Гибель человека*, *Мерси*, *Анна на шее*, *Последняя неприятность*, *Счастливым случаем* и др. Ср. примеры:

[...] мы теперь, знаете ли, на кухне бросили стряпать... Без плиты обходимся. В столовую ходим. — Да с! — воскликнул довольный хозяин. — *Баста!* Новую жизнь начали. [...] Пуцай и баба свободу узнает... [Зоценко 1986, I: 263];

Организм у слесаря Гаврилыча был неважный. [...] Как, например, получит человек деньги, отойдет от кассы, так и *шабаши*. Такая настает жажда — беда. Прямо беги в первую портерную и пей дюжину. И то мало. Не залить всей жажды [Зоценко 1986, I: 290].

Имеются контексты, в которых рассматриваемые лексемы дублируют соответствующие русские наименования, выполняя особую стилистическую функцию. В этом случае одно и то же значение передается вкраплением и русским словом. Проиллюстрируем такие параллельные смыслы:

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно *мерси* и *спасибо*, что вселили, а то он у своих родственников проживал [Зоценко 1986, I: 439],

ср. также синонимическое образование:

В довоенное время давали [...] всякие медали с разными словами: „*Мерси, благодарю*, вот вы какой”. И так далее [Зоценко 1986, II: 249];

Я ничего. Ну, пихнули. Эка штука. В трамвае ведь. Это свидетели требуют: иди, говорят, обязательно в милицию. — *Извиняюсь, пардон*, — сказал один из свидетелей. — Я тоже видел... Нельзя допустить... Протокол чтобы... [Зоценко 1986, I: 164];

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце [Зоценко 1986, I: 352].

Следует отметить, что все иноязычные вкрапления передаются в текстах Зоценко при помощи букв русского алфавита. Это показательно, поскольку фонологические системы языков имеют немало раз-

личий. Иноязычные вкрапления в данном случае осваиваются русским языком, получая соответствующее оформление, отражающее особенности русского произношения. Чужие по происхождению единицы подчиняются законам фонетики русского языка, претерпевая порой существенные звуковые изменения. Особенно хорошо это показано писателем в речи персонажей-иностранцев. Ср. некоторые высказывания зощенковского повествователя: „Немцы говорят: — *Шпрехен зи дейч?*“ [Зощенко 1986, II: 236], вместо *Sprechen Sie deutsch?*; „Француз отвечает: — *Коман?* В чем дело? Об чем речь? [...]“ [Зощенко 1986, I: 421], вместо *Comment?* Транслитерация иностранных слов и фраз не отражает здесь их правильного произношения. В ряде случаев такой прием воспроизведения иностранной речи приобретает гротескную форму.

Язык произведений Зощенко являет собой образец прямой противоположности шаблонной, трафаретной речи. Этим обеспечивается оригинальность и самобытность слога писателя, в котором стилистическая значимость иноязычных вкраплений играет большую роль. Они способствуют созданию особой эмоциональной настроенности и экспрессивной насыщенности литературного произведения.

Иноязычные вкрапления в русской художественной речи имеют давнюю традицию. Они являются существенным компонентом речевой структуры в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. авторов.

Творчество Зощенко перекликается с произведениями ряда писателей, и это проявляется во многих отношениях. Наиболее тесная связь прослеживается у него с Чеховым, хотя исследователи справедливо отмечают одновременно гоголевское начало у автора *Аристократки*. О гоголевско-чеховской традиции в творчестве Зощенко см. указанные работы Д. М. Молдавского, Л. Ф. Ершова, М. О. Чудаковой и др.

При сопоставлении особенностей функционирования иноязычных вкраплений у этих мастеров слова со спецификой их употребления в текстах М. Зощенко, нетрудно заметить, что в произведениях указанного писателя они даются только в русском написании, тогда как в сочинениях Гоголя и Чехова их графика дифференцируется, хотя при этом заметно использование вкраплений в оригинальном начертании — французских у Гоголя (*Портрет, Нос, Шинель, Записки сумасшедшего, Мертвые души, Отрывок, Театральный разъезд после представления новой комедии, Ревизор*), немецких у Чехова (*Нервы, В аптеке, Забыл!., Признательный немец, Огни, Три года, Вишневый сад*). Вкрапления у обоих писателей имеют место и в речи иностранцев, и в речи русских.

Немецкие вкрапления у Гоголя редки и, что интересно, они переданы в русской графике, но с заметным числом искажений. Ср. одну реплику немца из повести *Невский проспект*:

- *Мейн фрау!* – закричал он.
Вас волен зи дох? – ответила блондинка.
 – *Гензи на кухня!* [Гоголь 1975, I: 454]

Чехов также любил „ломанные“ вкрапления. См., например, фрагмент диалога помещика Гауптвахтова с продавцом-немцем в рассказе *Забьл!*:

- Сколько эта рояля стоит?
 – Восемьсот рублей!
 – Фу-фу фу... Батюшки! Это называется: купи себе роялю и без штанов ходи! Хо-хо-хо! Восемьсот руб... лей!!! Губа не дура! Прощайте-с! *Шпрехензи! Гебензи...* обедал я, знаете ли, однажды у одного немца... После обеда спрашиваю [...] как сказать по-немецки: „Покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль?“ А он мне и говорит... и говорит...
 Позвольте-с... И говорит: „*Их либе дих фон ганцен герцен!*“ А это что значит?
 – Я... я люблю тебя, – перевел немец, стоявший за стойкой, – от всей сердца!
 [...] – Ну вот! Я подошел к хозяйской дочке, да так прямо и сказал... С ней конфуз... Чуть до истерики дело не дошло [Чехов 1974, I: 128].

Приведенные материалы показывают, что иноязычные вкрапления заслуживают специального изучения в сравнительном плане. В произведениях Зощенко они включаются в основном в речь персонажей – носителей русского языка для того, чтобы показать необоснованное употребление ими чужеродных элементов. Герой пытается создать ложное впечатление о себе и о своих возможностях путем обращения к иностранной речи, стремясь показать себя лучше, чем это есть на самом деле. Однако мизерный уровень владения этой речью лишь усиливает его карикатурный образ: использование обычно искаженных по смыслу отдельных чужих слов и фраз усиливает момент его малограмотности и беспомощности в языковом поведении. Часто такая речь сопровождается нарушением элементарных правил грамматики.

Построения, получаемые путем сочетания слов и выражений, принадлежащих к различным языкам, производят в произведениях М. Зощенко наибольший эффект. Такие конструкции приводят к значительным словесно-семантическим контрастам, являясь, безусловно, действенным приемом, оживляющим слог писателя.

Библиография

Источники

- Г о г о л ь Н. В. 1975. *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва: Художественная литература.
 З о щ е н к о М. 1986–1987. *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград: Художественная литература.

Чехов А. П. 1974. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах, т. 1, Москва: Наука.

Литература

- Ардов М. 1992. Феномен Зощенко, „Столица“ № 8, с. 56–60.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. 2004. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика, Москва: Флинта: Наука.
- Борботько В. Г. 2007. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике, Москва: КомКнига.
- Вежбински Я. 1991. Заметки о языке и стиле Михаила Зощенко (Лингвистический аспект), „Болгарская русистика“, № 4, с. 31–41.
- Виноградов В. В. 1928. Язык Зощенко (Заметки о лексике), [в:] Михаил Зощенко. Статьи и материалы, Ленинград: Academia, с. 51–92.
- Гиршман М. М. 2002. Литературное произведение: теория художественной целостности, Москва: Языки славянской культуры.
- Григорьев В. П. 1983. Грамматика идиостиля. В. Хлебников, Москва: Наука.
- Демидова М. П. 1988. Лингвистический анализ текста, Минск: Вышэйшая школа.
- Ершов Л. Ф. 1973. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов, Ленинград: Наука.
- Жолнина Е. В. 2007. „Голубая книга“ М. М. Зощенко: текст и контекст. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Захариева И. 1989. Рассказы Михаила Зощенко, „Болгарская русистика“, № 1, с. 9–19.
- Иванчикова Е. А. 1992. Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность, Красноярск: КрГУ.
- Колева И. П. 2013. Михаил Зощенко: искусство пародии: традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко, Москва: Вече.
- Маслова В. А. 2004. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой, Москва: Флинта: Наука.
- Михайлов В. Н. 1987. Специфика собственных имен в художественном тексте, „Филологические науки“, № 6, с. 78–82.
- Молдавский Д. М. 1977. Михаил Зощенко. Очерк творчества, Ленинград: Советский писатель.
- Носов С. Н. 1989. О стилистике романа А. Платонова „Чевенгур“, „Русская речь“, № 1, с. 22–28.
- Попов К. 1990. О языке и стиле одного стихотворения Льва Озерова, „Болгарская русистика“, № 4, с. 76–82.
- Салагаев В. 1973. О стилистико-синтаксической композиции сатирических рассказов Михаила Зощенко, [в:] Филологический сборник, вып. 12, Алма-Ата: Изд. Казахун-та, с. 238–245.
- Синявский А. 1989. Мифы Михаила Зощенко, „Вопросы литературы“, № 2, с. 50–67.
- Старков А. 1974. Юмор Зощенко, Москва: Художественная литература.

- Ш а н с к и й Н. М. 1984. *Лингвистический анализ художественного текста*, Ленинград: Просвещение.
- Ч е р в и н с к и й П. П. 1984. *Неоднозначные единицы стихотворного текста*, [в:] *Семантика слова и предложения. Сборник научных трудов*, Ставрополь: СГПИ (Ставропольский государственный педагогический институт), с. 19–30.
- Ч у д а к о в а М. О. 1979. *Поэтика Михаила Зоценко*, Москва: Наука.
- Я з и к о в а Ю. С. 1985. *Слово о языке М. Горького*, Горький: Волго-Вятское кн. изд-во.
- D r a w i c z A. 1974. *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] tegoż, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków: Wyd. Literackie, с. 46–73.
- D r a w i c z A. 1985. *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] *Michał Zoszczenko. Punkt widzenia. Opowiadania i powieści*, Warszawa: Czytelnik, с. 529–540.
- J a c k i e w i c z M. 1991. *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo. Studia i materiały WSP w Olsztynie*, nr 30, Olsztyn: Wydawnictwa WSP, с. 97–105.
- K o t k i e w i c z A. 2012. *Nowy człowiek Michaiła Zoszczenki. Trylogia: „Przywrócona młodość”, „Niebieska księga”, „Przed wschodem słońca”*, Kraków: Wyd. Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
- M u c h a W. 1985. *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.